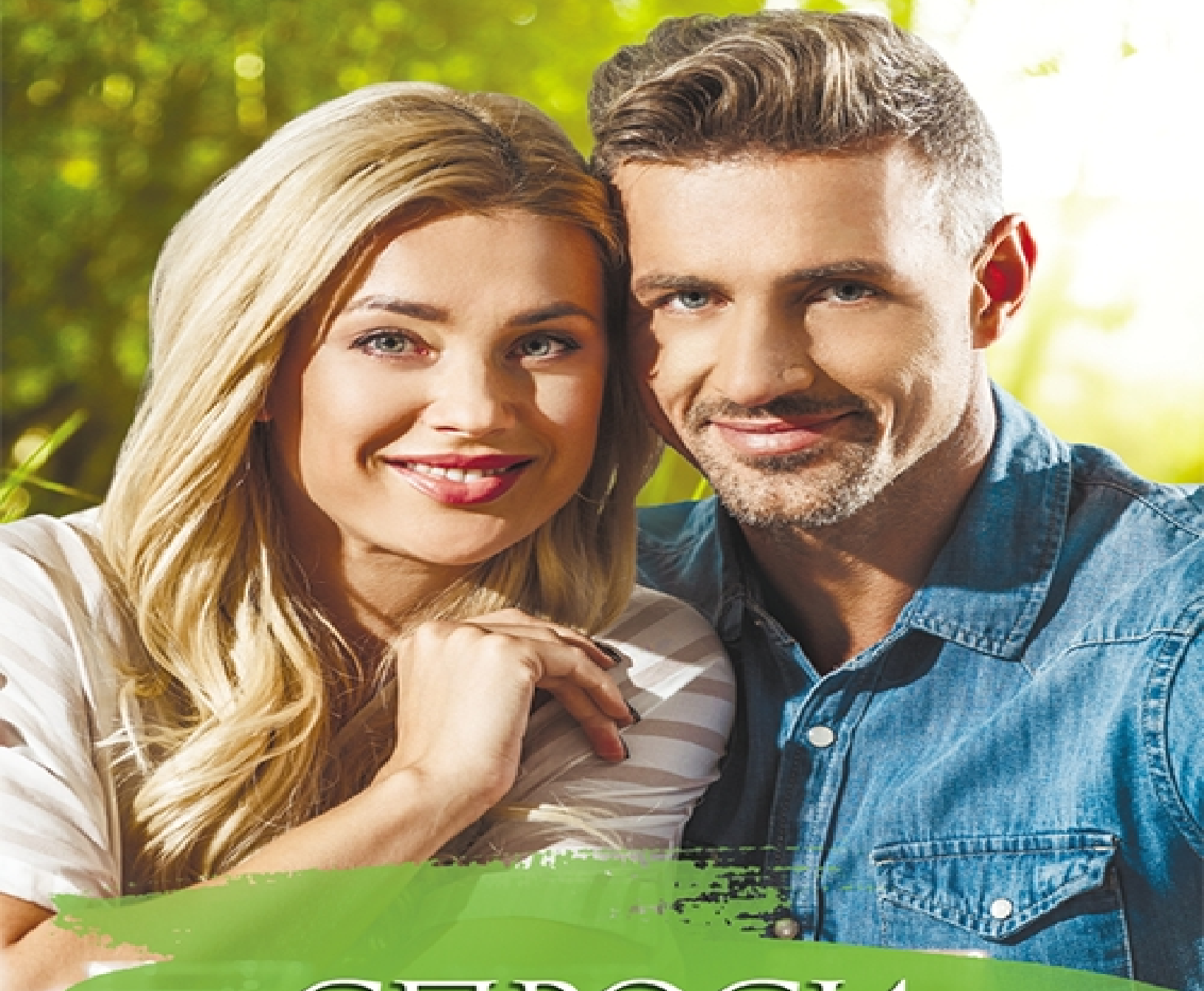

Спроси свое сердце

Про книгу

Жизнь Насти безоблачна: она учится на врача и влюблена в самого симпатичного парня в университете. И вдруг — как гром среди ясного неба — она видит Лешку с другой. Но это полбеды: дома мама сильно ссорится с отчимом. Мир девушки рушится. Она мчится к тете Гале, маминой сестре, своей доброй фее. Осколки «розовых очков» ранят душу. Что делать с Лешкой и разрушенным браком мамы? Как жить дальше, когда стало страшно любить? Но у Галины Сергеевны своя непростая история, своя трудная многолетняя любовь. Что подскажут этим двоим их женские сердца?

ТАНЯ ВИНК

СПРОСИ
СВОЕ СЕРДЦЕ

u

Таня Винк

**СПРОСИ
СВОЕ СЕРДЦЕ**

РОМАН

ХАРЬКОВ **КЛУБ**
2020 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

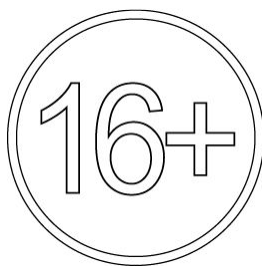

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2020

ISBN 978-617-12-8229-2 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Дизайнер обложки Анастасия Попова

Життя Насті безхмарне: вона вчиться на лікаря і закохана в найсимпатичнішого хлопця в університеті. І раптом — як грім серед ясного неба — вона бачить Льошку з іншою. Але це півбіді: вдома мама сильно свариться з вітчимом. Світ дівчини руйнується. Вона мчить до тітки Галі, маминої сестри, своєї доброї феї. Осколки «рожевих окулярів» ранять душу. Що робити з Льошкою і зруйнованим шлюбом мами? Як жити далі, коли стало страшно любити? Але у Галини Сергіївни своя непроста історія, своє важке багаторічне кохання...

Винк Т.

В48 Спроси свое сердце : роман / Таня Винк. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 288 с.

ISBN 978-617-12-8112-7

Жизнь Насти безоблачна: она учится на врача и влюблена в самого симпатичного парня в университете. И вдруг — как гром среди ясного неба — она видит Лешку с другой. Но это полбеда: дома мама сильно ссорится с отчимом. Мир девушки рушится. Она мчится к тете Гале, маминой сестре, своей доброй фее. Осколки «розовых очков» ранят душу. Что делать с Лешкой и разрушенным браком мамы? Как жить дальше, когда стало страшно любить? Но у Галины Сергеевны своя непростая история, своя трудная многолетняя любовь...

УДК 821.161.1(477)

© Винник Т. К., 2020

© Depositphotos.com / Iakov, EdZbarzhyvetsky, обложка, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

Глава 1

Галя не из пугливых, много повидала, но крик Димы, раздавшийся в трубке, она никогда не забудет:

— Настю машина сбила!

В глазах потемнело, и будто что-то тяжелое и твердое ударило прямо в солнечное сплетение. Она хватается ртом воздух, а ни вдохнуть, ни выдохнуть не может. Казалось, прошла вечность, пока она смогла взять себя в руки.

— Что с ней?

И услышала горький плач племянницы. В сердце будто вонзился самый острый нож, какой только может быть на планете, и Галя с трудом сдержала стон.

— Наверное, ногу сломала. Левую. Большую берцовую кость. — Дима выстреливал фразами.

— Перелом закрытый?

— Да.

— Какие еще повреждения?

— Ссадина на руке. На плече. Головой ударилась.

— Она сидит, лежит?

— Сидит на скамейке.

— Скорую вызвали?

— Да.

— Пусть ляжет, и под голову ей что-нибудь положите.

— Мы говорили, а она не хочет.

— Пусть ложится немедленно!

— Галя, она никого не слушает!

— Дай ей телефон.

— Галя, меня машина сбила! — закричала Настя сквозь слезы. — Я не знаю, как это получилось. Нога болит ужасно! Ой, я ж могла погибнуть! Как же это... Я на ногу ступить не могу!

— С ногой разберемся. Настя, тебе нельзя сидеть, немедленно ложись на скамью и жди скорую.

— Не буду я лежать на улице! Дима отнесет меня в ателье.

— А где ты?

— Возле дома.

«Настюша, слушай тетю, она же врач!» — услышала Галка голос Димы и сразу незнакомый, мужской: «Девушка, вы здесь должны остаться, сейчас полиция приедет».

«Зачем полиция?» — спросила Настя. «Это ДТП, его надо оформить».

— Настя, дослушай меня! — воскликнула Галя.

— Да, слушаю.

— Ложись немедленно и голову положи повыше, на рюкзак положи, на сумку. У тебя может быть сотрясение.

— Ладно, — недовольный ответ.

В телефоне шорох, голоса.

— Я легла.

— Молодец. Лежи спокойно и жди скорую.

— Хорошо... Ой, как нога болит! Ой, как больно... — И она снова зарыдала.

— Настюша, я еду к тебе, а ты не раскисай. Помнишь, я про Рому рассказывала?

— Да...

— Терпи. Сейчас скорая приедет, они помогут.

— А ты когда приедешь?

— Максимум через полчаса. — Галина Сергеевна завершила разговор и подняла взгляд на пациента. — Простите, но я должна немедленно ехать в Харьков, Настя под машину попала. — Она вышла из-за стола. — Александр Николаевич, я потом выпишу рецепт и позвоню вам.

— Да, конечно. Я понимаю. Галина Сергеевна, если позволите, я мигом доставлю вас в Харьков, — предложил сосед, — я на машине.

— Спасибо, я на нашей скорой, так быстрее будет. — Она запихивала в сумку фонендоскоп.

Александр Николаевич открыл дверь кабинета и пропустил ее вперед.

— Надо же, как некстати, — произнесла она, закрывая кабинет на ключ. — Рома на фронте, он бы так помог! — Она негодуя мотнула головой, провела пальцем по экрану смартфона и прижала его к уху. — Алло, Михалыч, ты где?

— На вызове, в Любовке, только прибыли.

— Ох, как жаль!

— А что случилось?

— Мою Настю машина сбила.

— Ой, да как же это?! Как она?

— Вроде закрытый перелом голени и ЧМТ.

— Ох, Сергеевна... Где это случилось?

— В Харькове. Ладно, Михалыч, я управлюсь.

На крыльце Галина Сергеевна остановилась и озабоченно посмотрела на Александра Николаевича.

— Слушайте... Пока я дойду до дома, пока возьму машину... Если вы еще не передумали, я воспользуюсь вашим предложением.

— Нет, я не передумал.

Он вынул из наружного кармана барсетки ключи с брелоком и нажал на кнопку. Ближняя к крыльцу машина мигнула фарами.

— Идемте, — Александр Николаевич показал рукой на черный внедорожник.

Он помог ей сесть спереди, и Галя сразу же позвонила сестре. Рита не ответила.

— Пристегнитесь, — сказал Александр Николаевич, засовывая барсетку в бардачок. — Я так понял, вы хотели бы отвезти Настю в госпиталь? — Он повернул ключ в замке.

— Да, конечно, но Рома на фронте, и я не знаю, как быть... У них сейчас очень хорошее оборудование, и ребята грамотные работают. Я позвонила бы начальнику госпиталя, но Рома с ним повздорил, его не хотели отпускать, и он пошел против начальства. — Она грустно усмехнулась. — Молодой, горячий... Кровь кипит. — Она защелкнула ремень безопасности.

— Я могу позвонить начальнику госпиталя, — сказал Александр Николаевич, выезжая со стоянки.

— А вы его знаете?

— Да, знаю. — Он притормозил у ворот и нажал на клаксон, потому что люботинские коты, щедро прикармливаемые больными и персоналом, имели привычку после обеда лежать прямо перед воротами больницы. Коты бросились врассыпную, и внедорожник выехал на улицу. — Сейчас все сделаем. — Он сунул смартфон в держатель на панели, нажал кнопку вызова и включил громкую связь.

— Саша, привет, — услышала Галка голос начальника госпиталя.

— Привет. Мне твоя помощь нужна.

— Давай...

— Насколько я знаю, у тебя работает Роман Рубенович Степанян.

— Да, это наш хирург.

— Тут такое дело, его двоюродную сестру машина сбила, я сейчас еду на место ДТП с матерью Ромы. Вопрос: я могу привезти девушку в госпиталь на обследование?

— Да не вопрос, но почему Галина Сергеевна сама не звонит?

— Говорит, что Рома с тобой повздорил.

— Глупости! Скажи, пусть звонит. И еще скажи, что она вырастила замечательного парня.

— Окей, передам все слово в слово. — Он подмигнул Галине Сергеевне.

— А какие у пострадавшей повреждения?

— Скорая еще не приехала, но пока подозрение на перелом голени и ЧМТ.

— Конечно, сделаем все, что нужно. Я сейчас сообщу на КПП, чтобы тебя пропустили.

— Спасибо, я скоро буду.

Пристально глядя на дорогу, Александр Николаевич переключил скорость и обогнал автобус.

— Не переживайте, все будет в лучшем виде.

— Спасибо, — ответила Галя, и тут же зазвонил ее телефон.

Это был Дима.

— Я только что звонил Роме, хотел, чтоб он насчет Насти договорился, но его нет в сети.

Сердце на мгновение замерло и, перевернувшись где-то в горле, забилось в убыстренном темпе. Нет, нет, с Ромой все хорошо, он сейчас на операции, вот и выключил телефон. Или сеть не работает.

— Он может быть на операции, — сказала она, и в горле мгновенно пересохло, — но все нормально, Александр Николаевич, мой сосед, уже договорился с начальником госпиталя насчет Насти. А скорая приехала?

— Нет еще.

— Позвони мне, как только приедет.

— Хорошо.

— Дима, как это произошло?

— Да как... Пошла через дорогу не по зебре, на красный, а тут маршрутка.

— Ох... Понятно.

— Галя... — Он запнулся и продолжил через пару секунд: — Тут такое дело... Настя с Ритой сильно поссорились. Пожалуйста, сделай так, чтобы Рита с нею не ехала. Настя меня сама просила.

— Я не знаю, как это сделать. Она мать, она имеет полное право.

— Но они очень сильно поссорились.

— Дима, давай разгребать проблемы постепенно. Я приеду, и все решим на месте.

— Хорошо. Жду.

Александр Николаевич посмотрел в зеркало заднего вида:

— Сейчас мы эту черепаху обойдем.

Он виртуозно обошел фуру с красно-зеленым логотипом пива на белом боку и пристроился за микроавтобусом.

— А кто сбил вашу племянницу?

— Маршрутка.

— Да... — Он негодуяюще мотнул головой. — Сейчас за руль садятся все кому не лень. Заплатил за права и едь.

— Водитель тут ни при чем. Настя сама виновата, она переходила дорогу на красный свет.

— Хм... Я тоже когда-то зацепил женщину, она была виновата, но от этого мне легче не стало. Да, жизнь...

— Жизнь штука хрупкая. — Галя тяжело вздохнула. — В одну секунду может перевернуться с ног на голову.

— Может. Очень даже может. — Александр Николаевич напряженно всматривался в дорогу. — Знаете, мне нравится ваша семья, вы дружные. И сыновья у вас хорошие, интересные.

— Спасибо, — с гордостью в голосе ответила Галя.

— А Рома надолго на фронт уехал?

— Командировка на полгода, так что ждем к концу осени.

— А Стасик сейчас на раскопках?

— Да, под Черновцами.

— Когда вернется?

— Не раньше середины августа.

— Да... Дети... Мой сын тоже на фронте.

— Макс на фронте?

— Да, он связист.

— Ох, Александр Николаевич, я не знала.

— Да он полтора месяца как там. Я про это даже говорить не могу.

Некоторое время они помолчали, и Александр Николаевич продолжил:

— Знаете, я никогда не думал, что поселюсь в маленьком городке. Я родился в мегаполисе и даже мысли не допускал, что буду жить в другом месте. Мне казалось, городок — это что-то очень скучное, а оказалось, жизнь в нем намного интереснее. Теперь я понимаю, почему все события в произведениях Агаты Кристи происходили в деревушках — там все друг друга знают. Но я не про то, что в Люботине не хватает убийств, боже упаси! Я про то, что здесь все иначе. Вот вы мои соседи, в вашей семье есть историк-археолог, военный хирург, врач высшей категории, — он посмотрел на Галку с уважением, — дизайнер одежды — я про Дмитрия Витальевича иначе сказать не могу. Вот скажите, в каком миллионнике вы сможете общаться запросто с такими людьми? Ни в каком. Я харьковчанин в шестом поколении, родился в девятиэтажке, и мы не знали соседей ни рядом, ни под нами, ни над нами. Вернее, в лицо знали, особенно верхних — время от времени они нас заливали. Ну и нижних, потому как их заливали мы. И больше поводов для общения с соседями не было. А здесь все друг друга знают. Если не лично, то через знакомых. Здесь на одном краю чихнешь, а с другого тебе уже кричат: «Будьте здоровы». В этом что-то есть.

Галя улыбнулась:

— Вам, как главному редактору издательства, это должно быть интересно.

— Да, я главный редактор, но моя работа далека от литературы, я больше промоутер. И вот еще... С тех пор как я здесь, я стал более спокойным, в городке жизнь спокойнее. Природа, воздух, вода — все это способствует... Знаете, я уже вряд ли вернусь в Харьков, да и некуда — квартиру отдал сыну. Думал себе купить в том же районе, но теперь не хочу. Сын женился, невестка не очень общительная, она больше о собственной карьере заботится, работает по двенадцать часов, дома не прибрано, вкусным не пахнет. В общем, у них своя жизнь, и я к ним не лезу. А в вашей семье все иначе, вы очень дружные.

Галка посмотрела в окно — ага... они очень дружные... Особенно с сестрой.

— А зачем возвращаться? Многие люботинцы всю жизнь ездят в Харьков на работу, это же близко. — Она посмотрела на часы — со времени выезда из больницы прошло всего девять минут, а они уже вот-вот пересекут границу города.

— Я тоже сейчас так делаю. Правда, много денег уходит на бензин, но оно того стоит.

Зазвонил телефон, и Дима сообщил, что приехала скорая.

— Отлично, мы будем... Александр Николаевич, когда мы будем на площади Конституции?

— Постараюсь минут через пятнадцать, если без пробок.

— Минут через пятнадцать, — ответила Галя.

— Хорошо, ждем.

— Не волнуйтесь, Галина Сергеевна, все с вашей девочкой будет хорошо.

Разговор прервал звонок Михалыча:

— Сергеевна, как дела? Ты где? Я в больницу уже еду.

— Меня везет Александр Николаевич.

— О, отлично! Привет ему. Держись, Сергеевна.

— Держусь.

Александр Николаевич посмотрел в зеркало заднего вида.

— Вот Михалыч — тоже интересный человек, с ним есть о чем поговорить.

— Я знаю, у вас общее хобби — фотография.

— Да.

— Я видела ваши работы в Инстаграме, они впечатляют. От них исходит любовь к нашему городку, чего не скажешь о комиксах Дахно.

— Согласен. Дахно — это другое. Она Мише завидует. Скажу больше — люто завидует.

Михаила Михайловича Галя знает с детства, он старше ее на три года. И с того самого детства он для нее, для ровесников, всех селян и даже родного, ныне уже покойного отца — Михалыч. Так много лет назад, когда они еще в школе учились, к нему обратился председатель сельсовета на торжественном вручении медали за то, что Миша вынес из горящего соседнего дома двух сестричек, брата и ящик с котятками — телевидение приезжало не только из Харькова, но

даже из Киева. Ну и равных ему в мастерстве водить скорую не было. Его неоднократно пытались переманить в Харьков на центральную станцию скорой помощи, давали должность бригадира, надбавки всякие, но он остался верен своей больнице, и ни один главный врач его не обижал. «Я из Люботина никуда, только к Богу», — говорил Михалыч. И не только он — местные жители отличались преданностью и любовью к обычному провинциальному городку, получившему этот статус в тридцать восьмом году прошлого века. А уж с какой гордостью произносили: «Я люботинец!» И таяли от самого названия, волшебным образом повлиявшего на все: дома, дороги, сады, пруды, базар, магазины, клуб, площадь «трешка», городской парк, кофейню и два небольших ресторанчика. Все здесь было любо сердцу жителя и быстро становилось любо сердцу гостя или дачника. Так и с Ромкой произошло — не сразу, конечно, но уже через полгода после приезда Галя услышала, как он в зоопарке на вопрос незнакомого мальчика «Ты откуда? У тебя акцент» ответил: «Я из Армении, но моего села больше нет. Теперь я люботинец».

— А хотите знать мое мнение по поводу того, почему ваш городок населен интересными людьми? Почему здесь родился слепой кобзарь, столько поэтов, художников?

— Почему?

— Потому что здесь много воды. Столько прудов нигде больше нет — шутка ли! — тридцать водоемов. Здесь я себя лучше чувствую, здесь легче дышится, легче живется, мои мысли становятся чище. Я хорошо сплю. А как останусь в Харькове, так всю ночь проворочаюсь без сна. После этого поверишь, что вода вбирает в себя все плохое, весь негатив.

— Наверное, вы правы, но я как-то об этом не думала.

— Потому что привыкли. Мы не замечаем того, к чему привыкаем. Ну и еще название влияет на людей.

— О, да, — согласилась Галя, — мои дед и бабушка выбрали это место из-за названия.

Да, название Люботин действительно притягивающее, оно притянуло дедушку и бабушку, тогда молодых и счастливых тем, что война не отняла у них жизни. Но она отняла жизни дедушкиных родных, и возвращаться ему было некуда. Войну дедушка закончил в Венгрии, и случилось так, что на железнодорожном вокзале

в Будапеште он, командир танкового экипажа, в поисках начальника вокзала — ну не мог он купить билет до Киева! — открыл не ту дверь и попал в диспетчерскую. А там бабушка сидит, двадцатипятилетняя, чернобровая, кареокая... Она его прогнать хотела, но как глянула в синие бездонные глаза, так и прикипела к стулу. В общем, он забыл, что ему нужен билет домой, тем более дома не было, семьи не было — кого немцы расстреляли, кто на войне сложил голову... Он дождался конца бабушкиной смены и с того дня руку ее не выпускал из своей до последнего вздоха. А как они попали в Люботин? Да очень просто — решили ехать туда, где цветут сирень с черемухой и растут самые вкусные яблоки, а это только в Украине. Она из детского дома, так что перед ними лежала вся страна — выбирай. Добрались они до Харькова — там самые вкусные яблоки и самая пахучая сирень. Вышли на вокзале — и к расписанию. Стоят, читают:

— Змиев...

— Нет, туда не поедem, там наверняка змеи водятся, а я их боюсь, — сказала бабушка.

— Грайворон...

— Нет, не хочу, звучит как-то... как немец лает.

— Балаклея...

— Ба-ла-кле-я... Не хочу.

— Ой, любимая, смотри — Люботин.

— Знаю это место, там большой железнодорожный узел. Может, я смогу работать по специальности?

Они переглянулись и купили билеты. Обнявшись, они сидели на деревянной лавке в общем вагоне и были уверены, что нашли самое счастливое место на всем белом свете. Так оно и оказалось. Но не думали они, что городок этот еще и красив неимоверно, а красота его таится в воде. Она здесь повсюду — в реке и прудах, их тут очень много. И все население, как только пригревало солнце, тянулось к воде. Вечером люди надевали все самое лучшее и тоже шли к воде — гуляли вдоль прудов, жгли костры, пекли картошку, пили домашнее вино, дружили, влюблялись... Женились, рожали детей и не покидали городок. А если покидали, то обязательно возвращались. Не столько к родным и друзьям, сколько к воде, чтоб рассказать ей о пережитом и прожитом, чтоб отдать свои слезы и горести, поделиться тайною и попросить помощи. И не раз можно было заметить ночью на берегу

одинокую женскую или мужскую фигуру, застывшую в неподвижности со склоненной вниз головой; называли их «ундинами». Называли с нежностью, жалостью и пониманием. А родники с «живой» и «мертвой» водою, бьющие рядом и сливающиеся в один большой ручей? А дно этого ручья, якобы из целебной глины? Сколько во всем этом вымысла, а сколько правды, никто не знает, но люди ходят к этим родникам, берут воду и глину. Мертвую воду тоже берут. Не одного люботинца уже обвинили в том, что он побрызгал мертвою водою ворота соседа, и на тебе, заболел сосед, или того хуже...

— А я вам о чем! — воскликнул Александр Николаевич. — Нам с Леной тоже название понравилось. — Он потер пальцами гладковыбритый подбородок и уставился на дорогу. — А на каком курсе ваша Настя? — спросил он через некоторое время.

— На третьем.

— Ого, как время летит! Она у вас интересный человек, серьезный, я как-то разговаривал с нею. На жизнь смотрит не так, как большинство ее ровесников.

— А на дорогу не смотрит! — в сердцах бросила Галка.

— Не переживайте, все будет хорошо с вашей девочкой. Ну, ты мне надоел! — крикнул он впереди идущему автомобилю и крутнул руль влево. — Я вижу, Настя к вам очень привязана.

— Да, это так.

— Это потому, что вы хороший человек.

— Спасибо за комплимент, Александр Николаевич.

— Это не комплимент, это правда. А теперь, дорогая Галина Сергеевна, приготовьтесь к пробкам. Хотя... Мы поедем не по Полтавскому Шляху, а через Благовещенский рынок.

Ближе к рынку движение оживилось, и Александр Николаевич перестал разговаривать. Вцепившись в руль, он обгонял, виртуозно вписываясь в ряд на светофоре и через непостижимо короткое время, всего двадцать три минуты, они въехали на площадь. Скорая стояла у обочины, ближе к середине дороги — маршрутка, за нею машина полиции, и вокруг всего этого небольшая толпа любопытных.

— Галина Сергеевна, я поеду за вами до госпиталя, — сказал Александр Николаевич.

— Спасибо вам большое. — Набросив на плечо сумку, Галя выскочила из машины и ринулась в толпу, закрывавшую от нее скорую.

Возле распахнутых настежь задних дверей стояли Дима и две швеи из ателье. Настя уже лежала внутри скорой на носилках. На откидном сиденье, сцепив руки, примостилась Рита. Немолодая медсестра с добрым мясистым лицом накладывала шину Крамера на левую голень Насти.

Дима протянул Галине руку:

— Давай помогу.

— Здравствуйте, я тетя Насти. — Галя ловко забралась в машину и села напротив Риты. — Я врач.

— Доброго дня! — медсестра кивнула. — А то я не бачу!

Настя улыбнулась жалкой улыбкой — бледная, скулы заострились, волосики прилипли к лицу. Поверх простыни лежит рука в пятнах засохшей крови и с ссадиной от плеча до локтя.

— Здравствуй, — сказала Рита и уставилась в какую-то точку перед собой.

— Настюшенька, девочка моя... — Галя провела ладонью по волосам племянницы.

Настя всхлипнула, и по ее виску потекли слезы.

— Что ж теперь будет? Нога сломана, в голове гудит... — она сморщила лицо, — и рука... вот... — Она приподняла локоть, демонстрируя внушительную ссадину.

— Ничего страшного, — медсестра улыбнулась, — ножка твоя срастется, ручка заживет.

— Все будет хорошо. — Галя убрала прядь, прилипшую к Настиной щеке. — Плакать не нужно, хорошее настроение способствует быстрому выздоровлению.

— О чем ты говоришь? Какое хорошее настроение? — Ее подбородок мелко дрожал.

— Радуйся, что так легко отделалась, — сказал Дима.

Рядом с ним стоял Александр Николаевич.

Настя не успокоилась, из ее глаз продолжали литься слезы. Медсестра закончила с шиной и выпрямилась:

— Ну, будущий врач, хватит рыдать, а то глазки будут как щелки. — Она сунула Насте бумажную салфетку.

Будущая врач судорожно всхлипнула, промокнула щеки салфеткой и плакать перестала.

— Вот это правильно, — похвалила ее медсестра, — а теперь скажи мне, как ты оцениваешь свое состояние?

— А как я могу его оценить? — переспросила Настя и недовольно нахмурилась. — Паршивое у меня состояние.

— Шина причиняет дискомфорт?

Настя приподняла голову.

— Нет, никакого дискомфорта. — Она смотрела на забинтованную ногу. — Спасибо. — И снова уронила голову на подушку.

— Та нема за що. Тебя все еще тошнит?

— Немного.

— Сейчас... — Медсестра вынула из пластикового контейнера таблетки, а из шкафчика над головой полулитровую бутылку воды. — Сама выпьешь или помочь?

— Сама.

Настя запила лекарство и вернула стакан медсестре:

— Спасибо.

— На здоровье.

— Галя, я не понимаю, как все получилось. Я не видела эту маршрутку, она как из-под земли выскочила. Я даже испугаться не успела. — Племяша округлила глаза.

— Это нормально. Мы потом пугаемся, когда все позади. А как экзамен по патанатомии?

— Пятерка.

— Умница. — Она наклонилась и поцеловала Настю в щеку.

— Простите, вы кто? — услышала она мужской голос и повернула голову — возле машины стоял молоденький врач, совсем мальчишка.

— Галина Сергеевна, тетя потерпевшей, главный врач люботинской районной больницы.

— Очень приятно, Федор Федорович, — с почтением произнес молоденький.

— Настюша, я поговорю с доктором, а ты не волнуйся, ты в надежных руках. — Она подмигнула медсестре, и та расплылась в добродушной улыбке.

— Галя, а ты со мной поедешь? — В глазах племянницы плескалась тревога.

— Да, я все время буду рядом.

Врач подал руку и помог выйти из салона. К ним тут же присоединились Дима и Александр Николаевич.

— Значит так... У вашей племянницы закрытый перелом большой берцовой кости, — сказал Федор Федорович, — множественные ушибы легкой степени тяжести. Нужно обязательно сделать компьютерную томографию головного мозга. Мы сделали внутривенно противоотечный, L-лизин, и трамадол внутримышечно.

— Хорошо, спасибо. Федор Федорович, я договорилась с военным госпиталем, ее там обследуют. Мой сын там работает.

— Ваш сын? А как его фамилия?

— Степанян.

— Я его знаю, я волонтеру в госпитале. Значит, возем в госпиталь?

— Да.

— Вы с нами?

— Да, конечно.

— Хорошо, садитесь в машину. — Федор Федорович пошел к кабине скорой помощи, и тут Галя услышала за спиной:

— Что случилось? — Это была Марья Дахно, подруга Риты.

— Настю маршрутка сбила.

— Что-то серьезное?

— Посмотрим. Маргарита там, — Галя показала на скорую.

Но Маша никак на ее жест не отреагировала и осталась стоять на том же месте, а из скорой донесся резкий голос Насти:

— Мама, пожалуйста, не нужно со мной ехать!

Галя и Дима переглянулись.

— Может, все без нас устроится... — шепнул Дима.

Задние двери скорой уже были закрыты, и Галя сунулась в боковые. И едва не столкнулась с Ритой лбами. Она молча уступила сестре дорогу, и пару секунд Рита топталась на месте, вертела головой, будто искала что-то, а потом ушла. Боковым зрением Галя увидела, что она прошла мимо Маши, как мимо столба, а Маша от нее демонстративно отвернулась.

Галя села на откидное сиденье, и Настя тут же протянула к ней руку.

— Мы сейчас повезем тебя в военный госпиталь, — сказала Галка, сжимая руку племянницы.

— Ну все, едем? — услышали они голос водителя.

— Едем, — ответила медсестра.

— Галя, я подожду, пока полицейские закончат с протоколом, а потом позвоню тебе, — сказал Дима, захлопывая дверь.

Скорая тронулась с места, и Галя схватилась за поручень. Сирену водитель включил сразу — без нее невозможно передвигаться по центру города, и Галка встревожилась: сможет ли Александр Николаевич их догнать? Она завертела головой — ни впереди, ни сзади внедорожника видно не было. Что ж, надо будет позвонить ему, но ближе к госпиталю, решила она. И вдруг Настя заплакала.

— Эй, чего это ты? Что болит? — спросила медсестра.

Настя не ответила и сморщила лицо.

— Так раскисать не годится, ты всех расстраиваешь и себе вредишь. — Медсестра поцокала языком.

— Настюша, где болит? — спросила Галя.

— Нигде! — огрызнулась девушка, вытирая пальцами слезы.

— Так почему ты плачешь?

— Потому что ничего не понимаю! — И новая порция слез потекла по ее вискам.

— Чего не понимаешь?

— Почему Алексей и Оксана так себя ведут?

— Ты о чем?

— Они меня обманывают! — Настя сверкнула глазами.

— Что значит обманывают?

— А то и значит! — Настя шмыгнула носом и насупилась. Но ее взгляд красноречиво говорил, что сейчас она все расскажет. — Первый раз я все это увидела в прошлую пятницу. Мы с Лешей договорились встретиться рядом с университетом, в нашем кафе...

— Со стеклянными стенами?

— Да. Ну, я иду и вижу через стекло, что рядом с Лешей сидит Оксана. Сидит близко, я так близко с чужим парнем не сяду. Она с ним очень откровенно кокетничает, а он радостный такой, смеется.

Я захожу, говорю, что происходит? Над чем смеетесь? Они показали видео на ютубе. Да, это было смешно. Но это не причина вот так сидеть! Во вторник снова сидят. Ну, я подхожу, Оксана спрашивает, куда пойдём, а я ей, мол, у нас свои дела, и увела Лешу. Я сказала ему, что мне не нравится все это, а он мне — что ты придумываешь, ничего нет. Я Оксане говорю, мол, я что-то не понимаю... А она мне — ты

что? Как ты могла подумать? Мы с тобой подруги! — Глаза Насти снова наполнились слезами. — Вот что мне делать? Кому верить? Я же знаю, что видела. Знаю. — Она вытерла пальцами слезы с виска.

— Настя, ты этой рукой не сильно двигай, — сказала медсестра, — лучше здоровой.

Настя опустила руку на одеяло.

— Пить хочешь? — спросила медсестра.

— Да.

— На, бери бутылочку.

Настя отвинтила пробку, приподняла голову и отпила несколько глотков.

— А сегодня после экзамена снова... Смотрю в окно, а она ему руку на плечо положила. Я подошла и спрашиваю, у вас все нормально? Вас ничего не смущает? Оксана руку убрала, ухмыльнулась... — Лицо Насти стало злым. — А Леша мне: «Настя, ты чего?» Мне так паршиво стало, аж затошнило. — Она скривилась и снова отпила из бутылки. — Ну, развлекайтесь, говорю, и пошла. Он за мной, мол, ты чего? Я ничего не сказала и ушла. Вот так...

— Да, неприятная история.

— Ну вот скажи, я правильно сделала, что ушла?

— Ну... не знаю. Если честно, то рука на плече — это не причина для ссоры. На людей посмотришь, так везде объятия и поцелуи вместо «здрасьте». Но раз ты так говоришь, то, наверное, ты что-то увидела.

— Да, я увидела. И Оксана так на меня смотрела, что мне хочется умыться. Я удалила ее номер и забанила страницу.

— Понимаю, — Галя кивнула.

Ох, она это очень хорошо понимает, сама не раз встречала такие вот взгляды так называемых подруг.

Настя болезненно скривилась и дотронулась до ссадины на локте:

— Ну и болит же!

— Говорю тебе, не трогай, — заботливо посоветовала медсестра. — Особенно когда заживать будет, а то следы останутся на всю жизнь.

Настя нахмурилась и показала рукой на рюкзак, лежащий рядом с сиденьем Галки.

— Дай мне телефон, в наружном кармане, он в лужу упал, и Дима его выключил. Может, он уже высох?

— Ты хочешь позвонить?

— Нет, проверить, работает или нет.

На вид смартфон был сухой, но под чехлом расплылись мокрые пятна.

— Надо было чехол снять. — Галя протерла смартфон бумажной салфеткой.

— Может, мне звонили? — предположила Настя.

— Потом проверишь, пусть еще посохнет, мало ли куда вода попала.

— Да он водостойкий.

— Настюша, потерпи. Посуда, на которой написано, что она не бьется, очень даже бьется. — Галя сунула телефон и чехол обратно в рюкзак. — Если срочно, я тебе свой дам.

— Нет, не срочно.

До госпиталя — до него осталось ехать пару минут — они не проронили больше ни слова. Подъезжая к воротам, Галя увидела перед шлагбаумом черный внедорожник, а рядом Александра Николаевича. Скорая притормозила, к водителю подошел дежурный, и тут же открылась боковая дверь.

— Сейчас вас встретят и сразу на рентген, потом на томограф, все это на первом этаже, — сказал Александр Николаевич.

— Спасибо. Извините, что причинили вам столько хлопот...

— Здравсьте, Александр Николаевич, — сказала Настя.

— Привет, Настюша. Что вы, Галина Сергеевна, мне приятно вам помочь. И я намерен отвезти вас обратно.

— Не стоит, честное слово. Вся эта история может затянуться не на один час.

— Вот и хорошо. У меня есть дела на работе. Давайте так договоримся: звоните мне, и я сразу приеду — отсюда до моего офиса пять минут.

— Хорошо. Спасибо вам огромное.

— Всегда к вашим услугам.

— Проезжай! — Дежурный взмахнул рукой, и Александр Николаевич захлопнул дверь.

Шлагбаум поднялся, и они миновали КПП. Метров через тридцать скорая въехала на пандус и остановилась напротив дверей с надписью «Приемное отделение».

— Ну, Настюша, сейчас мы передадим тебя в руки другого ведомства. — Медсестра зажала под мышкой айпад и открыла боковую

дверь скорой, за которой их уже ждала каталка и двое санитаров в белых халатах. — Ребята, куда мне топать? А то я у вас еще не была, — бодрым голосом спросила она.

— Сюда и сразу направо, — показал рукой один из санитаров, и медсестра, переваливаясь с ноги на ногу, как уточка, вошла в приемное отделение.

На рентген очереди не было. Снимок подтвердил слова Федора Федоровича — перелом средней трети голени.

Над дверью в кабинет компьютерной томографии светилось табло «Не входить. Идет обследование», а на стульях вдоль стены сидели четверо мужчин с обветренными и сильно загоревшими лицами.

— Хлопцы, это Романа Рубеновича сестренка, — сказал один из санитаров, — ее машина сбила, надо без очереди.

— Не вопрос, — ответил самый худенький и высокий.

— Не вопрос, — вразнобой поддержали остальные.

Худенький поднялся на ноги:

— Присаживайтесь, доктор.

— Спасибо, мне не трудно стоять, — ответила Галя.

— И мне не трудно, садитесь.

— Спасибо, — она кивнула и села.

— Сама нарушила или водитель виноват? — спросил худенький у Насти.

— Сама.

— Что ж ты так, а? Жизнь штука бесценная, Бог ее два раза не дает. Одно дело в бою погибнуть, а другое — на дороге, под колесами дурацкой машины.

— А вы были в бою? — Настя распахнула глаза.

— Да, был.

Некоторое время она не сводила глаз с мужчины, а потом выдохнула:

— А там страшно?

— Конечно.

— Хм... Даже представить не могу, как там...

— А ты не представляй, — он улыбнулся, — твое дело дорогу переходить в правильном месте.

— Теперь точно не побегу на красный, — сказала она и добавила: — Я в медицинском учусь, когда закончу, буду хирургом, как Рома. Но он не хочет, чтобы я работала в госпитале.

— Он прав, тут работа тяжелая. Романа Рубеновича все уважают, он многим жизнь спас. Меня он тоже оперировал, в прошлом году осколки вынимал.

— А вы тут не первый раз?

— Не первый, — худенький усмехнулся, и тут табло над дверью погасло. — Сейчас Дашу вывезут, и можете заезжать, — сказал он, и Галя поднялась на ноги.

Дашу, бледную девушку с забинтованной половиной лица и головой, вывезли через несколько минут двое мужчин в белых халатах. Когда ее каталка проезжала мимо, Настя подняла голову и проводила Дашу глазами.

— Что с ней? — спросила она у худенького, и услышала сдавленный мужской голос: «Дашка... Любимая, родная». Она повернула голову, а один из мужчин, тот, что помоложе, наклонился над Дашей и ее руку целует.

В груди защемило, и на глаза навернулись слезы.

— Осколочные ранения, — тихо произнес худенький. — Медик она, много хлопцев спасла.

— А этот... ну... он ей кто? — так же тихо спросила Настя.

— Любовь у них, очень красивая любовь. Он ее на руках носит. Гуляет во дворе, как с ребенком. В субботу они поженятся.

— Поженятся? — удивилась Настя.

— Ну да... Мы подарки готовим. У нас тут уже были свадьбы.

— В госпитале?

— Ну да...

Каталка сдвинулась с места, и худенький улыбнулся:

— Ну все... Тебе пора. Счастливо...

— И вам тоже скорого выздоровления.

Санитары переложили Настю в томограф и вышли из помещения. Врач, сидящий за столом в помещении, отделенном от томографа стеклянной перегородкой, сказал в микрофон:

— Извините, у нас форс-мажор. Подождите немного.

Галя кивнула и повернулась к Насте:

— Ну вот, скоро мы увидим, что с твоей головушкой.

— Галя...

— Что?

— Скажи... — Племянница нахмурила белесые брови.

— Что сказать?

— Вот как мой парень и моя лучшая подруга могли такое сделать?

Галя погладила Настю по голове:

— Может, ты преувеличиваешь?

— Нет, я ничего не преувеличиваю.

— Хорошо, только не злись.

— Я не злюсь, я просто не понимаю, как так можно? Я бы не смогла предать свою подругу ни за что. — Она сдвинула брови. — Это же настоящее предательство. Скажи, у тебя так было?

— Конечно было.

— И что?

— Как что? Я перестала общаться с подругой.

— Я тоже Оксану больше видеть не хочу. И его не хочу видеть.

Я переведусь на медфакультет в Каразина, чтоб их не видеть. — Настя замолчала и уставилась в потолок. — Это ж надо... Никому нельзя верить!

— Настюша, ты не права.

— Права! — На ее глазах снова появились слезы. — Я доверяла ему, я думала, он любит меня так же, как я его. А Оксана называла меня сестрой, говорила, что за меня горло любому перегрызет, и вот...

— Девочка моя, через такое многие проходят, это еще не конец света. Одна моя подруга тоже утверждала, что мы ближе, чем близнецы. Горло она не собиралась перегрызать, но говорила: «Даже если Галя кому-то голову отрежет, я буду на ее стороне».

— И предала тебя?

— Ага.

— А как она это сделала?

— Она завела роман с моим другом. Я тоже все это видела, но мне в голову не приходило, что она может пойти на такое, я просто не хотела верить своим глазам.

— Вот стерва! И что?

— Они прожили два года и расстались. Настюша, если парень уходит к другой, то неизвестно, кому повезло.

— Это точно.

— Лучше раньше все прояснить. А то представь, вы с Алексеем женаты, у вас ребенок, и ты вдруг видишь его с Оксаной.

— Ужас!

— То-то... Радуйся, что все так сложилось.

— Радоваться? — Глаза племянницы полезли на лоб. — Я не могу радоваться, мне больно, очень больно. Но я это переживу! — Она сжала кулаки.

В ее голосе звучала решительность, но в глазах по-прежнему плескалось отчаяние.

— Конечно переживешь. Я тоже любила того парня, тогда казалось, что не переживу, а сейчас вижу и удивляюсь, как могла полюбить?

— Ты его видишь?

— Конечно вижу. Иногда на базаре сталкиваемся, он в Люботине живет. Настюша, так лет же сколько прошло? Мне тогда было тридцать.

— И что? Ты ни о чем не жалеешь?

— Нет.

— Может, он тебя не любил?

— Может.

Настя уставилась в потолок.

— Ты так легко об этом говоришь... Может, и я тоже через какое-то время буду о Леше вспоминать с улыбкой? — Ее голос дрожал. — Но сейчас мне больно, очень больно, и я так хочу, чтобы боль эта ушла прямо сейчас. — Она зажмурилась, а из-под закрытых век снова потекли слезы.

— Девочка моя, — Галя сжала в ладонях руку племянницы, — все пройдет, но нужно время. Надо потерпеть. У меня тогда болело очень сильно, это ж двойная боль, и обида двойная, когда тебя предают двое самых близких. Ничего, солнышко, ты выкарабкаешься, и все у тебя будет хорошо.

— Да, я выкарабкаюсь, у меня все будет отлично, а они пусть идут к черту!

Повисло долгое молчание. Прервала его Настя:

— Галя, а кто эта твоя подружка?

— Алена, та, что готовила конкурс «Мисс Люботин».

— А... Я помню, как она бегала по посадке, а потом приседала с бревном на плече. Мы с девочками гуляли и наблюдали за ней, а она,

конечно, видела нас и выпендривалась, как на сцене. — Настя улыбнулась. — А недавно я была в кофейне на «трешке», так Алена там одну тетку из собеса учила считать калории.

Галя тоже улыбнулась — это правда, Алена все делала так, будто она на сцене в свете софитов, но Галка этого тогда не замечала, хотя лет ей было намного больше, чем сейчас Насте. Галя видела, как Алена смотрит на ее парня, но слова Алены о том, что он ей не нравится, мол, с ним она бы никогда и ни за что, сделали свое дело — подозрения притупились. И насчет калорий правда, Алена считала каждую съеденную калорию и помнила, сколько их в яйце вкрутую, всмятку, жареном на масле, куриной грудке и куриной ножке. О яичнице, жареной на сале, она не говорила — для нее сала не существовало вообще. Если Алена вдруг срывалась и съедала вареную куриную ножку, а не грудку, то потом бегала по Люботину ровно шестьдесят минут. Она не ела сдобу, макароны, картофель, свинину. Перечень того, что она не ела, был невероятно длинным, и Галя как врач пыталась давать ей советы, основанные на медицинских знаниях, но подружка ее не слушала. Иногда эти назойливые высказывания по поводу фигуры и здорового питания немного раздражали, но Галка прощала это подруге, которую любила как сестру, потому что с родной сестрой отношения так и не сложились. И еще она помогала Алене, деньги одалживала. В общем, вела себя так, как хотела бы, чтоб Алена вела себя по отношению к ней. Между ними была разница в два года — Галя была старше, а Алена считалась первой красавицей класса и вообще никого вокруг не замечала. Сдружились они, когда красота Алены под ударами судьбы потускнела, и произошло это ближе к тридцати. Алена к тому времени развелась два раза, а Галя один. После развода Галя вернулась из Харькова к родителям, а Алена из Люботина никуда не уезжала. У них уже были дети — Алена воспитывала сына, а Галка двоих, Стасика и Ромку. Они вместе проводили свободное время, вместе все покупали, от пальто и носков до гардин и кастрюль, причем обязательно советовались. Вернее, Галя спрашивала мнение подруги, потому как вкус Алены считался лучшим — не более изысканным, а более ориентированным на моду. Вместе проводили выходные, вместе ездили с детьми к морю, в общем, подруги врасос. Алена была весьма эффектной брюнеткой с длинными ногами, а Галка невысокой худенькой блондинкой

и о таких ногах могла только мечтать. Алена утверждала, что все ее разводы были легкими, а вот развод Гали оказался драматичным — она развелась сразу после возвращения из Армении, из зоны бедствия. Вернулась и поняла, что дальше так жить не сможет, потому что осознала скоротечность времени и хрупкость жизни.

И еще в Спитаке она почувствовала, что время может останавливаться. Да, там оно стояло, просто день сменялся ночью, потом снова приходил день, но наступления нового дня никто не чувствовал и «доброе утро» не говорили — эти слова она не услышала там ни разу. Наверное, время стояло, потому что об этом просила Бога ее душа, и все просили — каждая минута была бесценной, потому что речь шла о человеческой жизни. Уже вернувшись домой, в предновогодней суете и ожидании праздника, никак ею не ощущаемого, она поняла, что время уже не стоит, а движется с безумной скоростью, и надо что-то решать.

Она решила и развелась с Тарасом. Спустя два с половиной года снова пришлось принимать решение: что делать с новой, ярко вспыхнувшей любовью, взявшей начало посреди развалин и непоправимой трагедии тысяч и тысяч людей?

И тут она встретила на улице Алену. Зашли в кафе, разговорились. И оказалось, что их проблемы схожи, как внешность и повадки единоутробных сестер — Алена как раз была в очень натянутых отношениях с очередным гражданским мужем. Стали встречаться чуть ли не каждый вечер, подружились, и как-то незаметно проблемы Алены одна за другой свалились на голову Галки. Приняв всерьез ее замечание про сестринство — ей так нужен был в ту пору единомышленник, «жилетка», советчик и просто подруга, — Галка засучила рукава и начала разгребать авгиевы конюшни в судьбе «сестренки». Это отвлекло от собственных проблем и помогло их пережить. Пусть не легче, но мужественнее. «Конюшни» были очень загажены, но Галя выросла на принципе «глаза боятся, а руки делают» и не испугалась. И пока орудовала «лопатой» — одалживала деньги, мирила с одним мужем, потом с другим, потом с ухажерами, выслушивала жалобы и вытирала слезы на щеках Алены, — не заметила, как подруга превратилась в довольно капризную сестренку, требующую все больше внимания. Ну и денег. Поначалу Галя об этом как-то не задумывалась. Наверное, потому что в ее душе

была потребность помогать более слабому и несчастному, тем более сестре, пусть даже названной, и в ответ она ничего не ждала. Ей даже в голову не приходило ждать. Но жизнь штука хитрая, невнимания к себе не прощает, и в какой-то момент стала мстить. Момент этот наступил, когда Галя уже крепко стояла на ногах в профессиональном плане, была готова к новым серьезным отношениям и начала встречаться с давним приятелем, он тоже к тому времени имел опыт развода. Приятель этот преподавал в политехническом институте. Тут звезды, уже начинавшие сверкать холодным блеском в глазах Алены, сверкнули с такой силой, что пелена с глаз Галки упала и она увидела бесценную сестрицу во всей красе. И неожиданно осознала, что Алена решила наконец устроить жизнь за ее счет. А почему не устроить? У «сестры» и так всего больше, чем у нее, — и должность хорошая, и зарплата, и куча частных пациентов, а у нее ничего нет: ни собственного жилья, ни специальности, ни хорошего дохода. К тому же она обожает интриги, драйв, свои слезы и истерики. Обожает доказывать свою позицию, какой бы абсурдной та ни была, по два, а то и три часа повторяя одно и то же, одно и то же... Пока Галя не плюнет и не одобрит все ею сказанное. Еще она обожает сыр с плесенью, креветки и душ Шарко. В общем, Алена увела возлюбленного из-под носа Гали с ошеломительной беспардонностью, а потом написала Гале письмо на двенадцати страницах, в котором самой себе доказала, что поступила правильно. Галя прочла и поблагодарила Бога за то, что отвел ее от такой подружки, но вот денег было жалко. К тому времени люботинская сплетня донесла до Галкиных ушей, что Алена показала преподавателю «небо в алмазах», потому он и не устоял. Что значит это самое небо и алмазы, Галя знала — Алена практиковала этот прием на первом же свидании, но почему-то он не помогал ей быть счастливой долго. Собственно, так и не помог: через два года препод ушел к другой, но за эти два года Алена понемногу отдавала Гале долг. Правда, пятьдесят долларов она таки заныкала.

Глава 2

— Вот и получается, раз веришь, то ты дура. — Настя тяжело вздохнула. — Получается, я глупая, а думала, что умная.

— Настюша, ты не глупая, это все любовь, она слепа. Твое сердце любит, потому и верит.

— Они сейчас смеются надо мной, это точно.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ